Тактика возврата брошенных по адресу Трутня обвинений ставит вопрос о том, в какой мере были справедливы, а насколько гиперболизированы личные свойства Стозмея, т. е. какой объем подлинной биографической информации несут фрагменты, в которых развиваются темы его злобы и бесполезного в общественном смысле времяпровождения в окружении бездельников. Нельзя, по-видимому, также принимать как вполне достоверное все сказанное в «Трутне» и «Смеси» о Перекрасе. Насмешки над нею были столь грубы,[37] что подобный их характер давал бы веские основания сомневаться в том, что они были направлены на живое лицо, если бы не полная уверенность в существовании реального Стозмея, которого под этим прозвищем легко распознавали современники.[38] Во всяком случае за всеми выступлениями «Трутня» и «Смеси» против любовника Перекрасы и ее самое кроме идеологических, принципиальных разногласий чувствуется и какая-то бытовая ссора, втянувшая в себя разных людей и, по всей вероятности, до крайности обострившая между ними отношения. Возможно, как будет видно из дальнейшего изложения, ее корни уходили в какие-то закулисные театральные интриги.

С учетом всех этих обстоятельств можно извлечь из очерков и писем о Стозмее биографические сведения о его прототипе. Это был дворянин,[39] причем, кажется, из мелких, небогатый или обнищавший.[40] Непонятно, занимал ли он какую-либо должность,

---

[37] «Стозмей имеет полдуши и полсердца, а другие половины отдал он своей любезной, а та со сна, забывшись, вместо его, Стозмеево сердце и душу отдала другому своему любовнику» (Тр. 1769. № 16. С. 104). По словам вымышленной матери Перекрасы, ее дочь уже 10 лет живет любовным ремеслом и ранее всем угождала, но «посватался на ней один придворной господчик, свадьба их в скором времени без всяких совершилась, и с тех-то пор она людей начала браковать»; она не слушает советов, что «лучше брать оброк со многих, нежели одного», а, взяв с одного офицера 50 руб., не оказала ему положенных услуг (Смесь. Л. 22. С. 173—174). «Уверяя ‹Стозмея›, что, кроме его, никого не любит, имеет другого любовника, который всякое утро ее тайно посещает. Она больна в глазах Стозмея, и бедный Стозмей крушится; а для другого здорова и с ним весело проводит время» (Смесь. Л. 28. С. 223—224, письмо Правдолюбова).

[38] Если под Стозмеем подразумевался Д. П., то реального прототипа не могло не быть, даже если Д. П. был вымышленным персонажем. В противном случае автором письма был бы сам Чулков. Между тем издатель «Смеси» четко отличает Стозмея от Чулкова, который у него, как уже отмечалось, имел прозвище Злорад. В 33-м листе помещены рядом, одна за другой, характеристики Стозмея и Злорада, причем вторая начинается следующим заявлением: «Не должен я позабыть и бедного Злорада; его нрав очень сходен с Стозмеевым, да и не может быть иначе: Стозмей подлинник, а Злорад с него копия» (Смесь. Л. 33. С. 261—262). Примечательно, что эти две характеристики присоединены к серии переведенных с французского языка из журнала «Мизантроп» портретов, что, будучи приемом актуализации заимствованного материала, также указывает на существование реальных лиц, осмеиваемых под этими персонажами.

[39] «Стозмея все считают благородным, / И я его зову дворянчиком природным» (Смесь. Л. 20. С. 160).

[40] «Смесь» называет его пренебрежительно «дворянчиком», а «Трутень» — «господчиком» (ср. противопоставление слов «господин» и «господчик» —